

Те, кого называют избранниками небес, топчут цветы и облачаются в роскошные одежды. Для Чжоу Юя же все это — лишь ловушка, ведущая к вечной гибели.

Не каждому дано поступать так, как они.

Если бы он хоть раз в тот день несколько лет назад, или даже сейчас, в этот, казалось бы, процветающий момент, сказал не то слово, он и единственный человек, который его любил, исчезли бы бесследно. Те, кто восхвалял его как опору общества, молчали бы, один тише другого.

Просто на окраине города появились бы две могилы, на которых никто не ставил бы свечей.

Как ему не завидовать?

Чжоу Юй:

Се Жунцзяо, уже готовый извиниться, замер на мгновение, но затем честно признался:

— Я последовал за тобой, учитель.

То есть он слышал всё.

И только благодаря тому, что это был Се Жунцзяо, человек, перед которым Цзян Цзинсин никогда не ставил преград, он смог следовать за ним незамеченным.

Се Жунцзяо, впервые подслушавший чужой разговор, смущенно произнес:

— Учитель, прости. Когда я хотел одолжить меч, я уже почувствовал что-то странное. Позже, увидев, как ты и господин Чжоу ушли из толпы, я понял, что ты не хочешь, чтобы я слушал, поэтому последовал за вами сюда, чтобы спрятаться и подслушать.

Он, в отличие от Се Хуаня, человека с глубокими замыслами и хитроумным умом, не любил все эти извороты и интриги. Он был совершенно чужд политическим играм и даже не любил судить о людях с плохой стороны.

Поэтому до того, как он подслушал, он не считал Чжоу Юя злодеем.

Когда невозможно определить, плох человек или хорош, Се Жунцзяо предпочитал считать его хорошим.

Возможно, он бы содрогнулся, узнав, что за лицемерной маской скрывается злобная сущность, и споткнулся бы несколько раз, получив несколько ран. Но это все же лучше, чем сразу считать человека плохим.

К счастью, небеса не обманывают добрых намерений. С самого детства он мог ясно видеть добро и зло.

Когда он хотел одолжить меч, он почувствовал неладное, и у него возникло предчувствие, что этот спектакль был разыгран специально для него.

Се Жунцзяо спросил:

— Есть одна вещь, которая мне непонятна. Как господин Чжоу мог быть уверен, что я одолжу меч?

Чжоу Юй откровенно ответил:

— До того, как я приехал в усадьбу семьи Цзян, я не видел наследника. Слухов о наследнике было крайне мало, и я действительно не мог знать, каков его характер. Поэтому я специально встретился с наследником на следующий день под предлогом дружбы.

Получить информацию о месте проживания наследника от Цзи Хуана было несложно. После встречи я понял, что наследник — человек с чистым сердцем, и придумал этот план. В состязании, кроме Янь У, большинство участников были ничтожны, и я знал, что в конце со мной сразится именно Янь У. Он тоже человек простой, и я заранее намекнул ему на несколько вещей, и он, естественно, отказался от меча на сцене.

Его ум заключался не только в том, что он легко усваивал все, что ему преподавали, но и в его способности видеть суть людей.

В игре с человеческими сердцами, пожалуй, мало кто мог бы соперничать с Чжоу Юем.

— А я в этот момент сказал пару слов, и глава семьи Цзян, ради сохранения лица, обязательно одолжил бы мне меч. Наследник молод, полон искренности, и, скорее всего, тоже одолжил бы. Если бы наследник не одолжил, у меня был бы способ, чтобы те, кто внизу, восхваляя меч Цзяна, упомянули бы меч наследника, Чжэньцзяншань.

Цзян Цзинсин холодно сказал:

— Ты действительно хорошо всё продумал.

Чжоу Юй лишь усмехнулся:

— Когда Святой одолжил мне меч Бацзи, я понял, что он всё понял, и весь мой план рухнул.

Он слегка нахмурился и высказал то, что давно заметил:

— Но есть одна вещь, которая меня удивляет. Почему Цзи Хуан был так уверен, что Святой не в Хаоцзине? Только на основе поверхностных данных он не смог бы убедить меня сказать, что Святой точно не в Хаоцзине. Я долго думал и пришел к выводу, что для Цзи Хуана я не имею большого значения, и он просто хотел, чтобы я рискнул, попробовав удачу, что Святого нет в столице.

Чжоу Юй действительно был человеком, который мог спокойно говорить о том, что использует свою жизнь как пешку:

— Если Святого нет в Хаоцзине, то, пожертвовав своей жизнью ради наследника семьи Се, первого ученика Святого, и нанеся удар по императрице Цзян, это, конечно, было бы большой удачей. Если Святой в Хаоцзине, то меня можно просто выбросить как пешку, и даже если меня разоблачат, Цзи Хуану это не навредит.

— Цзи Хуан действительно хорошо всё продумал, лучше, чем его отец, — с сарказмом сказал Цзян Цзинсин. — Если с Ацы ничего не случится, семья Се, конечно, сдержится. В конце концов, оба дома давно находятся на грани конфликта, и это небольшое происшествие не изменит ситуацию. Но если с Ацы что-то случится...

Он замолчал.

Он не был таким, как Чжоу Юй, который умел лавировать на острие ножа. За долгие годы самосовершенствования он стал как черепаха, которую не сдвинуть ни ветром, ни дождем.

Даже сейчас, когда Се Жунцзяо стоит перед ним целый и невредимый, он все еще хочет разбить голову Цзи Хуана, не говоря уже о том, если бы с Се Жунцзяо что-то случилось.

Цзи Хуан действительно не хочет жить, и Цзян Цзинсин с радостью поможет ему в этом.

Се Жунцзяо был куда спокойнее и совершенно не беспокоился о том, что речь шла о его жизни и смерти:

— Если со мной что-то случится, отец и сестра возненавидят Цзи Хуана. Но Западная Пустошь жадно смотрит на нас, и сейчас не время ссориться с Цзи Хуаном и Северной Чжоу. Цзи Хуан, вероятно, тоже это понимает, и смотрит, кто кого переиграет. В конце концов, есть только два исхода: либо он умрет, либо умрет семья Се. Так что он решил рискнуть. Если бы тебя действительно не было в Хаоцзине, шансы Цзи Хуана были бы высоки.

Но самая большая загадка в этом деле не в этом.

— Южный регион и Северная Чжоу четко разделены, семья Се и дом Чжоу никогда не имели глубокой вражды. Почему Цзи Хуан решил начать именно с меня?

— Об этом я тоже думал, — добавил Чжоу Юй. — Думаю, это просто потому, что Цзи Хуан слишком амбициозен. Он хочет сделать то, что не удалось его предшественникам — вторгнуться в Южный регион и объединить Девять Областей.

Семья Се из города Фэнлин находится во главе Южного региона, и, как большое дерево, привлекает ветер. Се Жунцзяо, к несчастью, стал первой жертвой Цзи Хуана.

Хотя объяснение звучит натянуто, это единственное, что может объяснить мотивы Цзи Хуана.

Чжоу Юй не скрывал своего презрения к Цзи Хуану:

— Защищать границы Девяти Областей, не позволяя Северной Пустоши вторгнуться, — это не в духе Цзи Хуана. Он, скорее всего, погибнет от собственных амбиций, и, возможно, даже не сможет сохранить наследие дома Чжоу.

В Пинчэне, в Восточной Пустоши, есть наблюдательная башня, с которой, как говорят, можно увидеть Хаоцзин. Самая высокая башня Хаоцзина также находится в императорском дворце, это тоже наблюдательная башня. Они находились на берегу пруда Цюйцзян, в целом городе от дворца, но все же могли разглядеть угол высокой крыши башни, закрывающей небо.

Цзян Цзинсин смотрел на восток, не отрывая взгляда от этой башни, словно оценивая, сможет ли он одним ударом меча снести её и заодно убить проклятого Цзи Хуана.

— Еще одна странность в том, что Цзи Хуан — человек, дорожащий своей жизнью, — покачал головой Чжоу Юй. — Он осторожен и не стал бы не учитывать возможность быть убитым Святым, как это случилось с императором Хуай. Но, возможно, в его глазах ученичество наследника у Святого не стоит того, чтобы Святой рисковал.

Чжоу Юй вдруг улыбнулся:

— Я, конечно, думал об этом, но не собирался ему напоминать. Если он умрет от меча Святого,

я смогу спокойно умереть.

Се Жунцзяо молчал:

— Цзи Хуан, вероятно, не должен был брать тебя к себе на службу.

Неизвестно, удача это или несчастье для Цзи Хуана, что у него был такой подчиненный, как Чжоу Юй.

Чжоу Юй спокойно ответил:

— Я бы с радостью устроил фейерверк в честь этого.

Если бы он не связался с Цзи Хуаном, у него была бы своя жизнь, полная успехов и славы.

Высказав всё, что знал, Чжоу Юй без колебаний перешел к сути:

— Я рассказал всё, что знаю. Поскольку Святой обещал не трогать мою мать, я не хочу больше выпрашивать жалости. Скажите прямо, как вы собираетесь поступить со мной.

Он словно не боялся приближающейся смерти.

Живя, он был вынужден плыть по течению, подчиняясь различным силам. Перед смертью он хотел сказать пару слов от сердца, уйти с достоинством.

Цзи Хуан, не будучи императором, имел множество способов убить его, и Се Жунцзяо, наследник города Фэнлин, тоже не был лишен таких возможностей.

Цзян Цзинсин стоял, сложив руки за спиной, спокойно:

— Ацы здесь, спроси его, как хозяина, не меня.

С тех пор, как он подслушал, Се Жунцзяо думал над этим вопросом уже некоторое время, и кисть меча Чжэньцзяншань уже почти обтрепалась от его рук. С одной стороны, он не любил легко решать чужую судьбу, с другой — это было не так просто.

Жители Северной Пустоши в своей практике использовали жизни других как ступени, это было непростительно, и убивать их не было сомнений.

Се Хуа, сговорившись с Западной Пустошью, чтобы вредить своим подданным, заслуживал смерти.

Но что насчет Чжоу Юя? Кем он был?

Он не был непростительным злодеем и не убивал невинных. Если бы он не встретил Цзи Хуана, возможно, через несколько десятилетий он бы построил храмы и приносил пользу обществу.

Не говоря о гипотетическом, сейчас Се Жунцзяо не потерял ни волоса.

Но Чжоу Юй действительно хотел ему навредить.